

ТРЕЙСИ ДЕОНН
НАСЛЕДНИКИ
ЛЕГЕНД

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д34

Tracy Deonn
LEGENDBORN

Text copyright © 2020 by Tracy Deonn Walker

Перевод с английского *М. Кармановой*
Художественное оформление *Я. Клыга*

Деонн, Трейси.
Д34 Наследники легенд / Трейси Деонн ; [перевод с английского
М. Кармановой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 576 с.

ISBN 978-5-04-177059-4

Легенды опасны. Не стоит их недооценивать.

Жизнь шестнадцатилетней Бри омрачила внезапная гибель матери. Учеба в университете — единственная для нее возможность перенести трагедию. Наконец-то она будет вдали от дома, чрезмерной опеки отца и преследующих воспоминаний.

Но первый день в кампусе стал полнейшей неожиданностью. Во время шумной вечеринки для новичков Бри оказалась свидетельницей битвы между демонами и волшебниками. Невероятно привлекательный брюнет, назвавший себя “мерлином”, попробовал стереть ей память, но его заклинание, напротив, пробудило в Бри магические способности.

Вскоре ей предстоит узнать о существовании в университете тайного общества, которое загадочным образом связано с гибелью ее матери. Бри решает проникнуть в Орден потомков рыцарей короля Артура и раскрыть его опасные секреты.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-177059-4

© М. Карманова, перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Моей матери

ПРОЛОГ

ФИГУРА ПОЛИЦЕЙСКОГО РАСПЛЫВАЕТСЯ, А ЗАТЕМ СНОВА становится четкой.

Я не смотрю прямо на него. Я вообще не могу сфокусировать взгляд ни на чем в этой комнате, но, когда смотрю на полицейского, его лицо мерцает.

Его значок, прямоугольная табличка с именем, булавка для галстука? Все эти металлические предметы у него на груди переливаются и мерцают, словно серебряные монеты на дне фонтана. Весь он кажется зыбким. Нереальным.

Но я об этом не думаю. Не могу.

Кроме того, если плакать три часа подряд, нереальным начнет казаться все.

Полицейский и медсестра привели меня и отца в крошечную мятно-зеленую комнатку. Теперь они сидят за столом напротив. Они говорят, что «разъяснят нам ситуацию». Эти люди кажутся нереальными, как и то, что они говорят.

Я плачу не о смерти матери. И не о себе. Я плачу, потому что эти незнакомцы в больнице — медсестра, врач, полицейский — совершенно не знают мою мать, но они были рядом с ней, когда она умерла. Когда родные умирают, приходится слушать, как незнакомцы озвучивают твои самые страшные кошмары.

— Мы нашли ее на семидесятой трассе около восьми, — говорит полицейский. Включается кондиционер. Острый запах больничного мыла и чистящего средства дует нам в лицо.

Я слушаю, как незнакомые люди говорят в прошедшем времени о маме — о человеке, который привел меня в этот мир и создал мое настоящее. Сидя прямо передо мной, они говорят в прошедшем времени о моем сердце, которое бьется, кровоточит и рвется на части.

Это *надругательство*.

Эти незнакомцы в форме режут меня на части своими словами, но они просто делают свою работу. Нельзя кричать на людей, которые просто делают свою работу, правда же?

Но мне хочется.

Папа сидит в кресле, обтянутом искусственной кожей. Оно скрипит, когда он наклоняется вперед, чтобы прочитать мелкий шрифт на листах бумаги. Откуда взялись эти документы? Чьи они, эти документы о смерти мамы? Почему они готовы, когда я — еще нет?

Папа задает вопросы, ставит подпись, моргает, вздыхает, кивает. Не знаю, как он функционирует. Мамина жизнь остановилась. Разве все живое не должно было остановиться тоже?

Ее раздавило внутри нашего седана, искореженное тело зажалось под приборной панелью, а тот, кто с ней столкнулся, скрылся с места происшествия. Рядом никого не было, а потом какой-то симпатичный, вероятно, перепуганный добрый самаритянин заметил ее перевернутую машину на обочине дороги.

Кроваво-красные нити соединяют последние слова, которые я сказала маме прошлой ночью со злом, с другой февральской ночью. С ночью, когда мы с моей лучшей подругой Элис сидели вместе в комнате на нижнем этаже дома ее родителей и решили, что программа раннего обучения в Университете Северной Каролины в Чапел-Хилл и есть то, о чем мы мечтаем. *«Талантливые студенты старшей школы могут в течение двух лет изучать в Каролинском университете предметы, которые будут зачтены при дальнейшем обучении, пожить в общежитии и стать независимыми»*. По крайней мере, так было написано в брошюре. Раннее обучение в университете — единственная возможность для двух девочек из этнических меньшинств выбраться из городка в глуши Северной Каролины. Для нас этот шаг означал смелые идеи и более просторные классы — и *приключения*. Мы

написали заявления вместе. После школы вместе пошли прямо к бентонвильскому почтовому отделению. Вместе кинули конверты в почтовый ящик. Если мы попадем на раннее обучение, то выберемся из Бентонвильской школы и будем жить в университетском общежитии в четырех часах езды от дома — и вдали от родителей, которые иногда контролировали нас так крепко, что нам было не вздохнуть.

За десять лет до моего рождения мама тоже училась в Каролинском университете. Перспективная молодая исследовательница. Я из года в год слушала рассказы о тех временах. Видела на стенах фотографии сложных химических экспериментов: мензурки и стеклянные пипетки; защитные очки, упирающиеся в ее высокие скулы. На самом деле именно она натолкнула меня на эту мысль. По крайней мере, так я себе говорила.

Ответы пришли вчера. Родители Элис знали, что она подала заявление. Они радовались так, будто это *их* приняли.

Я знала, что мне на такое рассчитывать не стоит: я подала заявление тайком от матери, уверенная, что, как только меня примут, как только я получу ответ, она откажется от своего стремления всегда удерживать меня рядом. Я передала ей письмо с сине-белой эмблемой Каролинского университета, улыбаясь, словно получила приз.

Я никогда не видела ее в такой ярости.

Сейчас мое сознание просто не понимает, где находится тело. Оно снова и снова пересматривает последние тридцать шесть часов, пытаюсь понять, *как* мы оказались в этой больничной палате.

Прошлая ночь. Она кричала о доверии и безопасности, и о том, что не нужно стремиться повзрослеть так быстро. Я кричала о несправедливости, о том, что заслужила, и о том, что хочу оказаться подальше от грунтовых дорог.

Это утро. Я по-прежнему сердилась, когда проснулась. Лежа в постели, я мысленно пообещала себе не разговаривать с ней до конца дня. Тогда это мне понравилось.

Этот день. Ничего такого, обычный вторник, за исключением того, что для меня он крутился вокруг сообщения «Мы поговорим позже».

Этот вечер. Она выехала с работы.

Потом. Машина.

Сейчас. Бледно-зеленая комната и запах антисептика, который обжигает легкие при каждом вдохе.

Навсегда. *«Мы поговорим позже»* — не то же самое, что *«Мы не поговорим больше никогда»*.

Нить, которая тянется из февраля, туго обвивается вокруг меня, будто я никогда больше не смогу вдохнуть. Но почему-то я все еще слышу, как полицейский говорит, мерцая и сияя.

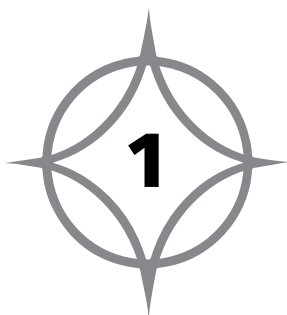
Воздух вокруг него кажется живым. Будто он пропитан магией.

Но когда весь твой мир рушится, немного магии — это... ничто.

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ

ЧАСТЬ 1

ОРДЕН

ПЕРВОКУРСНИК ПРОНОСИТСЯ МИМО МЕНЯ В ТЕМНОТЕ И бросается с обрыва в освещенную луной ночь.

От его крика сонные птицы вспархивают со своих мест. Звук эхом отражается от поверхности скал, окружающих карьер Эно. Лучи фонариков следят за трепыхающимся телом студента, за тем, как он размахивает руками и болтает ногами, а потом ударяется о воду с оглушительным всплеском. Вверху, на краю обрыва, тридцать студентов вопят и гикают, так что их радость разлетается среди сосен. словно подвижное созвездие, конусы света скользят по поверхности озера. Все дружно задерживают дыхание. Глаза всех присутствующих высматривают ныряльщика. Затем парень с рыком выныривает, и толпа взрывается криком.

Прыжки с обрыва — идеальное воплощение веселья, которому предаются белые мальчишки с Юга: деревенское безрассудство, карманный фонарик в качестве единственной меры предосторожности, риск и дерзость. Я не могу отвести взгляд. Каждый раз, когда кто-то из них бежит вперед, мои ступни сдвигаются чуть ближе к краю. Каждый прыжок в пустоту, каждый момент, когда они зависают в воздухе перед падением, разжигают в моей груди искру безумного желания.

Я подавляю его. Запечатываю. Заколачиваю двери и окна.

— Повезло, что он не сломал на хрен свои ноги, — бормочет Элис, мягко растягивая слова. Она хмыкает, глядя через край на то, как улыбающийся ныряльщик хватается за выступающие из

воды камни и вьющуюся лозу, чтобы взобраться наверх по скалистому склону. Ее прямые угольно-черные волосы прилипли ко лбу. Влажный августовский воздух прижимается к ее коже, как теплая липкая ладонь. Мои кудрявые волосы и так уже собраны в пучок, как можно дальше от затылка и шеи, так что я отдаю Элис запасную резинку, которую всегда ношу на запястье. Она молча берет ее и собирает волосы в хвост.

— Я почитала про этот карьер по пути сюда. Каждые несколько лет кто-то получает травму, падает на камни, тонет. Мы точно не будем прыгать, *и к тому же* становится поздно. Нам пора.

— Почему? Мошки заели? — Я прихлопываю крошечное насекомое, жужжащее у ее руки.

Она пристально смотрит на меня.

— Ваша попытка сменить тему оскорбительна для меня. Вы уволены. — Элис хочет изучать социологию, а потом, может быть, заняться правом. Она допрашивает меня с тех пор, как нам исполнилось десять.

Я закатываю глаза.

— Как лучшая подруга ты уволила меня пятьдесят раз с тех пор, как мы были детьми, *и все равно* продолжаешь нанимать снова. Отвратительная работа. Быть кадровиком — суший кошмар.

— *А ты* все возвращаешься. Это улика, пусть и косвенная, в пользу того, что ты любишь свою работу.

Я пожимаю плечами.

— Хорошо платят.

— Ты же *знаешь*, почему мне это не нравится.

Я знаю. Не то чтобы я *планировала* нарушать закон в наш первый вечер в кампусе, но после ужина возможность предоставилась сама — в лице Шарлотты Симпсон, девочки, которую мы знали еще по Бентонвильской старшей школе. Она просунула голову в дверь нашей комнаты, когда мы еще не успели даже распаковать вещи, и потребовала, чтобы мы присоединились к ней. После двух лет на программе раннего обучения Шарлотта официально была зачислена в Каролинский университет и, похоже, в какой-то момент на этом пути полюбила вечеринки.

Днем национальный парк Эно-Ривер открыт для походов, кемпинга и катания на каяках, но, если пробраться туда после за-

крытия, как сделали ребята вокруг нас, это, вероятно (вернее определенно), считается незаконным проникновением. Обычно я таким не занимаюсь, но Шарлотта объяснила, что ночь перед первым днем занятий особенная. У некоторых студентов младших и старших курсов есть традиция устраивать вечеринку на карьере. А еще какие у них есть традиции? Первокурсники прыгают с края обрыва в озеро с минеральной водой. Парк находится на границе между округами Оранж и Дарем, к северу от шоссе I-86, примерно в двадцати пяти минутах от кампуса Каролинского университета. Шарлотта отвезла нас туда на своем старом серебристом джипе, и всю дорогу я чувствовала, как Элис, сидящая на заднем сиденье рядом со мной, поеживается от незаконности всего происходящего.

Безудержный смех ныряльщика долетает до обрыва раньше, чем из-за края показывается его голова. Не помню, когда в последний раз я сама так смеялась.

— Тебе это не нравится, потому что это, — я перехожу на театральный шепот, — *против правил?*

Темные глаза Элис пылают за стеклами очков.

— Если нас поймают ночью за пределами кампуса, то *автоматически* исключат из программы.

— Притормози, Гермiona. Шарлотта говорила, что некоторые студенты делают это каждый год.

По лесу пробегает еще один ныряльщик. Раздается более глубокий всплеск. Радостные крики. Элис дергает подбородком в сторону остальных студентов.

— Это вот они. А скажи мне, почему *ты* хочешь здесь быть?

«*Потому что сейчас я не могу просто сидеть в нашей комнате. Потому что с тех пор как мамы не стало, внутри живет другая я, которая хочет ломать вещи и кричать*».

Я приподнимаю плечо.

— Потому что *шепотка* бунтарства — лучший способ начать наше приключение.

Она явно не в восторге.

— Кто-то сказал «бунтарство»?

Под ногами Шарлотты шуршат листья и еловые иголки. Резкий звук выделяется на фоне гудения сверчков и глухого бие-